

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

П. В. Ильин – соискатель кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;

В. А. Лопаткин – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института

В 1993 г с принятием Конституции Российской Федерации была определена точка отсчета приведения отечественного законодательства в соответствие международным стандартам. Человек, его права и свободы провозглашены Основным Законом страны высшей ценностью государства, определяющей смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти. В этой связи развитие институтов обеспечения и защиты правового статуса личности становится одной из центральных проблем.

Однако на рубеже второго тысячелетия в процессе правового реформирования параллельно проблеме разработки средств, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов человека и гражданина как, безусловно, основной демократической составляющей любого современного общества, развивается не менее важная проблема – регулирования общественных отношений с участием юридических лиц.

Конституционные положения о свободе личности в использовании своих способностей и иму-

щества для осуществления не запрещенной законом экономической деятельности, а также о праве каждого владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, находящимся в собственности, совместно с другими лицами не только создали благоприятную почву для укрепления института частной собственности в России, но и способствовали прогрессу общественных отношений. Процессы разгосударствления и приватизации имущества привели к появлению множества новых видов организаций со статусом юридического лица. В правовом пространстве юридические лица становятся полноправными субъектами правоотношений, а категория «юридическое лицо» обретает межотраслевое значение¹.

Таким образом, в условиях стремительного развития рыночных отношений юридические лица выполняют важнейшую социально-экономическую роль в жизнедеятельности общества и государства, поэтому регулирование отношений с их участием имеет принципиальное значение. Уголовное судопроизводство не является для этого исключением.

¹ См.: Козлова Н. В. Юридическое лицо с точки зрения закона и правовой науки // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2002. № 5. С. 56–57.

Получив юридический статус, а вместе с ним возможность быть участником общественных отношений, юридические лица становятся «мишенью» преступного воздействия. Эти и многие другие обстоятельства неизбежно приводят к последствиям в виде вовлечения их в уголовно-процессуальную сферу, что, в свою очередь, с неизбежностью актуализирует вопросы о разработке эффективного механизма обеспечения прав и законных интересов юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

Учитывая данное обстоятельство, на старте третьего тысячелетия законодатель провозглашает защиту прав и законных интересов организаций, потерпевших от преступлений, одним из назначений уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в связи с чем наделяет юридическое лицо статусом потерпевшего. Это особо явствует из диспозиции ст. 42 УПК РФ, где юридическое лицо признается потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Путь к легализации идеи о необходимости наделяния юридического лица статусом потерпевшего в уголовном судопроизводстве был долог и тернист. Возможность участия юридического лица в качестве потерпевшего предусматривалась еще в российском дореволюционном законодательстве. Согласно ст. 1156 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. наравне с лицами, потерпевшими от преступлений, ставили казенные управления, возбуждающие уголовное преследование на основе понесенных ими убытков и вреда.

В уголовно-процессуальном законодательстве советской эпохи вопрос о том, могло ли некое коллективное образование (организация), которому причинен ущерб в результате преступления, получить статус потерпевшего, не нашел должной конкретизации. Так, в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. устанавливалось, что потерпевший – это лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Однако советские ученые, комментировавшие данную норму, допускали возможность признания в качестве потерпевшего юридического лица. Например, видный ученый-процессуалист М. С. Строгович в русле поиска ответа на этот вопрос считал, что «потерпевшим может быть как физическое лицо – гражданин, так и юридическое лицо – организация, предприятие, учреждение».

Пламя научной дискуссии по вопросу о необходимости наделяния юридического лица статусом потерпевшего разгорелось с большей силой с при-

нятием УПК РСФСР 1960 г. Согласно ст. 53 Кодекса потерпевшим признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Термин «лицо» законодателем ассоциировался с физическим лицом, поскольку устанавливалось правило, согласно которому о признании *гражданина* потерпевшим лицо, производящее дознание, следователь и судья выносят постановление, а суд – определение. Подтверждает данный тезис и то, что среди прочих прав, составляющих процессуальный статус потерпевшего от преступления, закреплялось право *гражданина*, признанного таковым, давать показания по делу.

Названные положения были восприняты и судебной практикой. Так, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указывалось, что юридические лица не могут быть признаны потерпевшими, а в случае причинения им имущественного вреда они должны признаваться гражданскими истцами.

Такое разрешение вопроса не отвечало потребностям общества, что с очевидностью следует из текстов проектов Уголовно-процессуального кодекса, разработанных в 1994 г. рабочими группами Министерства юстиции России и Главного правового управления Администрации Президента Российской Федерации, где возможность признания юридического лица в качестве потерпевшего по уголовному делу была учтена.

Однако и в настоящее время вопрос о реализации потерпевшим – юридическим лицом процессуального статуса остается в тени проблем. Главным образом это связано с тем, что законодатель существенно ограничил юридических лиц в праве на личное участие в уголовном процессе, позволив данным субъектам реализовывать права и законные интересы только посредством института представительства.

Уголовно-процессуальный закон призван обеспечивать, чтобы в процессуальной деятельности, которую ведут государственные органы и должностные лица, охранялись законные интересы вовлекаемых в уголовный процесс физических и юридических лиц и чтобы им самим была предоставлена полная возможность *активными процессуальными действиями отстаивать свои права*². По мнению М. С. Строговича, в уголовном судопроизводстве статус потерпевшего должен предоставлять лицам широкую возможность на *активное участие в процессе защиты своих прав и законных интересов*, нарушенных преступлением, а

² См.: *Демократические основы советского социалистического правосудия* / под ред. М. С. Строговича. М.: Наука, 1965. С. 124.

также возможность существенно влиять на движение и исход процесса³.

Однако вышесказанное сегодня в полной мере относится к *потерпевшему – физическому лицу*, поскольку в УПК РФ законодателем разработан четкий процессуальный механизм осуществления прав и обязанностей потерпевшего – физического лица посредством собственных активных действий. По отношению к *потерпевшему – юридическому лицу* с учетом содержания диспозиции ст. 42 УПК РФ вряд ли вообще применимо высказывание: «наделен возможностью собственными активными процессуальными действиями отстаивать свои права», так как в случае признания юридического лица потерпевшим его права осуществляет представитель (ч. 9 ст. 42 УПК РФ), которым, в свою очередь, могут быть адвокаты или иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы (ч. 1 ст. 45 УПК РФ).

При этом законодатель проявляет непоследовательность, поскольку, с одной стороны, он адресует содержащиеся в статье нормы потерпевшему – юридическому лицу как реальному самостоятельному субъекту, процессуально право- и дееспособному, наделяя его правом выбора использовать или не использовать права, в том числе право иметь представителя, по своему усмотрению. С другой стороны, в ч. 9 содержится императив – «в случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель».

Несмотря на то что некоторые процессуалисты признают потенциальную возможность юридического лица приобретать процессуальные права и обязанности и собственными активными действиями их реализовывать⁴, однако *de facto* категория «*потерпевший – юридическое лицо*» сливается с категорией «*представитель потерпевшего*», потому что *de jure* в деле может участвовать только представитель данного юридического лица⁵.

Таким образом, законодатель полностью подменил одного процессуально самостоятельного субъекта – «юридическое лицо со статусом потерпевшего» – другим – «представителем потерпевшего юридического лица», тем самым признав, что «юридические лица недееспособны, ибо могут действовать только через посредство представителей, т. е. ... юридическое лицо подобно малолетнему ребенку или абсолютно недееспособному лицу,

не имеющему юридически значимой воли, не способному сознавать и осуществлять свои интересы и потребности»⁶.

Однако сегодня все большее распространение получает понимание юридического лица как реального субъекта права, основанного на естественной необходимости, а не на фикции, когда оно само выступает как истинная естественная личность, волеспособная и дееспособная⁷.

Так, согласно ч. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. В предусмотренных законом случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов (ст. 36). Кроме того, согласно ч. 1 ст. 37 ГПК РФ гражданская процессуальная дееспособность, способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю принадлежит в полном объеме... и организациям.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) в ч. 1 ст. 43 также дано определение процессуальной право- и дееспособности. Способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности (процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми организациями и гражданами, обладающими согласно федеральному закону правом на судебную защиту в арбитражном суде своих прав и законных интересов. А в ч. 2 ст. 43 АПК РФ под способностью своими действиями осуществлять процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности понимается процессуальная дееспособность, которая принадлежит в арбитражном суде организациям и гражданам.

Данные отраслевые источники права устанавливают, что дела организаций в судах ведут их орга-

³ См.: Демократические основы советского социалистического правосудия. С. 256.

⁴ См.: Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. Н. Григорьева. М. : Книжный мир, 2004. С. 56.

⁵ См.: Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. М., 2004. С. 48.

⁶ Невзгодина Е. Л. Представительство и доверенность по гражданскому праву России (Проблемы теории законодательства РФ. Вопросы правоприменительной практики) / под ред. В. Л. Слесарева. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 148.

⁷ См.: Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 182.

ны, действующие в соответствии с федеральным законом, иными нормативно-правовыми актами или учредительными документами организаций, либо представители (ч. 2 ст. 48 ГПК РФ; чч. 4, 5 ст. 59 АПК РФ). Под органами юридического лица понимается физическое лицо (единоличный орган) или группа физических лиц (коллегиальный орган), представляющих интересы юридического лица в отношениях с другими субъектами права без специальных на то полномочий, при этом органы юридического лица, к числу которых относятся и руководитель, не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты правоотношений и являются частью юридического лица, а действия органа по осуществлению правосубъектности юридического лица, производимые в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами данного юридического лица, расцениваются как *действия самого юридического лица*⁸.

Таким образом, на законодательном уровне закреплено, что орган юридического лица и представитель юридического лица не тождественные категории. Отсюда следует, что категория «потерпевшее юридическое лицо» и «представитель потерпевшего юридического лица» – это два самостоятельных субъекта процессуальных правоотношений. Однако в уголовно-процессуальном законе заключен иной подход, который явно противоречит сложившимся на сегодняшний день реалиям.

Проблема реализации процессуального статуса потерпевшего юридического лица усугублена и тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют четко сформулированный перечень прав и обязанностей представителя юридического лица, в частности при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений лицами, производящими расследование и разрешение дела по существу.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 45 УПК РФ «представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица». Исходя из толкования данной нормы, права представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика производны от прав последних. Тем не менее не следует забывать, что некоторые из прав носят личный характер и не могут быть переданы представителям: право давать показания, отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников и т. д.

В УПК РФ отсутствуют нормы, определяющие порядок производства ряда следственных действий с участием представителя потерпевшего – юридического лица. Однако как минимум лицо, производящее предварительное расследование, должно знать, какое следственное действие оно проводит: допрос потерпевшего или его представителя, какой при этом составляется процессуальный документ: протокол допроса потерпевшего или представителя потерпевшего.

В теории уголовного процесса возможность вступать в уголовно-процессуальные правоотношения определяется наличием процессуальной правосубъектности, т. е. правоспособности и дееспособности. При этом под уголовно-процессуальной правоспособностью ряд ученых, мнение которых мы разделяем, понимают способность обладать уголовно-процессуальными правами и нести обязанности, т. е. способность быть участником уголовного судопроизводства⁹. В свою очередь, уголовно-процессуальная дееспособность означает способность участника уголовного судопроизводства лично своими активными действиями приобретать для себя уголовно-процессуальные права и уголовно-процессуальные обязанности и своими действиями реализовывать имеющиеся у него права и совершать действия, направленные на исполнение обязанностей¹⁰.

К сожалению, в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют определения уголовно-процессуальной правосубъектности потерпевших – юридических лиц, что главным образом и детерминирует возникновение многочисленных проблем вокруг участия юридических лиц в уголовном процессе.

На наш взгляд, закрепление данной категории в уголовно-процессуальном законе применительно к потерпевшему – юридическому лицу с учетом позиции гражданского права об органе юридического лица будет не только способствовать разрешению большинства проблем в целом, но и, в частности, преобразованию юридического лица со статусом потерпевшего в субъекта, обладающего процессуальной право- и дееспособностью, возможностью своими активными процессуальными действиями отстаивать права и интересы, поскольку юридическое лицо, пострадавшее от преступления, нуждается в обеспечении процессуальным механизмом *беспосредственной* защиты прав и законных интересов.

⁸ См.: Невзгодина Е. Л. Представительство и доверенность по гражданскому праву России ... С. 143, 146, 168.

⁹ См.: Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. С. 56; *Теория государства и права* : учебник. 2-е изд., изм. и доп. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. М., 2000. С. 355–361.

¹⁰ См.: Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. С. 56; *Уголовный процесс* : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. М. : Норма, 2004. С. 16.

Очевидно, что в уголовно-процессуальном законодательстве желательны соответствующие изменения. В частности, в качестве *de lege ferenda* мы предлагаем:

1. Включить в ст. 42 УПК РФ следующее положение: *«Юридическое лицо в рамках уголовного судопроизводства приобретает и осуществляет процессуальные права, принимает и выполняет процессуальные обязанности потерпевшего через свои органы, действующие в соответствии с федеральным законом, иными нормативными правовыми актами и учредительными документами, а также через представителя».*

2. В вышеозначенной статье необходимо указать на права и обязанности такого самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений, как представитель потерпевшего юридического лица.

3. В качестве самостоятельного доказательства в ч. 2 ст. 74 УПК РФ предусмотреть *«показания представителя потерпевшего юридического лица»*. В связи с чем следует регламентировать условия и порядок допроса представителя потерпевшего юридического лица.

Надеемся, что законодатель не оставит без внимания наши предложения.